

Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса

В процессе археологического изучения Рачевского комплекса XII в. в окрестностях с. Демьянского в Нижнем Прииртышье¹ выявлена серия мелкой глиняной пластики, публикации и интерпретации которой посвящена данная работа. Рачевский комплекс включает два объекта, расположенные по разные стороны древнего лога, разрезавшего 30-метровую террасу Иртыша. На первом объекте обнаружены остатки плавильных печей и углежогная яма. Несмотря на значительную вскрытую площадь, свидетельств жилой застройки этого участка не зафиксировано. Это позволяет рассматривать данный объект как место выплавки железа. Вторым объектом являлось городище, расположенное на другой стороне лога. На нем найдены в большом количестве шлаки, кричное железо, льячки, обломки тиглей и литейных форм. Находки указывают на высокую степень развития металлургии и цветной металлообработки у древнего населения Рачевского комплекса.

Коллекция глиняной пластики Рачевского комплекса насчитывает 29 фигурок: 20 из них найдены на городище, 2 — близ него и 7 — на производственной площадке. На городище 12 фигурок обнаружены на дне и в заполнении котлованов жилищ, остальные — на межжилищном пространстве и в насыпи вала. На производственной площадке все фигурки зафиксированы в южной части мыса вместе с керамикой. Одна из них, самая выразительная, найдена в развале сосуда вместе с обугленными веточками (рис. 16-4).

Все изделия делятся на две группы: антропоморфные и цилиндрические. 12 фигурок целых, остальные повреждены. Как правило, фигурки вылеплены тщательно, из хорошо отмученной глины без искусственных примесей.

Целые антропоморфные фигурки варьируют от 2 до 6 см, толщина на сгибе от 1 до 2,5 см. Они передают позу сидящего человека. Голова моделирована округлым выступом. У двух фигурок схематично переданы черты лица (рис. 16-4, 6). На некоторых целых головах не оформлена. Эти изделия представляют округлый кусок глины, согнутый посередине и иногда суженный в верхней части. Четыре наиболее грубых изделия не орнаментированы (рис. 16-7; рис. 2-11, 12, 13). Вероятно, их следует отнести к заготовкам. Руки у большей части фигурок выделены орнаментацией и показаны полусогнутыми, опущенными на бедра. В одном случае они отделены от корпуса (рис. 2-5).

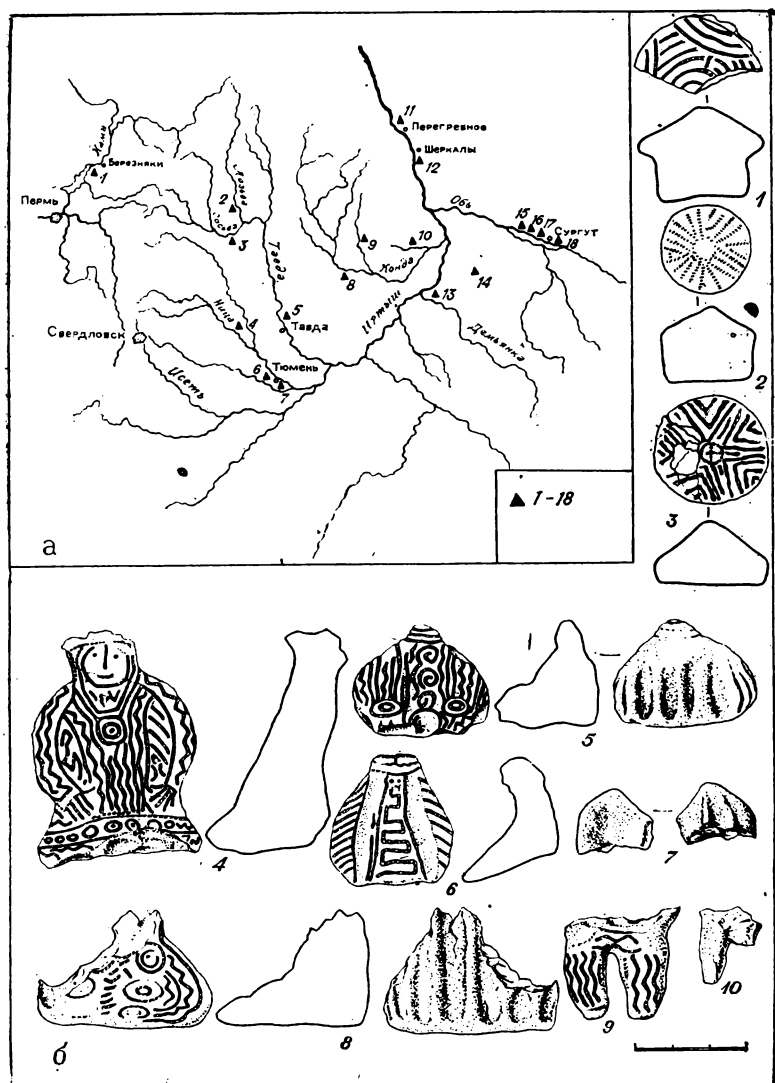

Рис. 1. Карта распределения находок глиняной пластики (а) и глиняные фигурки (б)

Памятники: 1 — Родановское городище; 2 — Ликинский могильник; 3 — поселение Махтылы; 4 — Юдинское городище; 5 — городище Янычково; 6 — городище Жилье; 7 — Андреевское IV городище; 8 — местонахождение Сотник; 9 — поселение Карым; 10 — поселение Согом; 11 — городище Перегребное; 12 — городище Шеркалы; 13 — Рачевский комплекс; 14 — находка у юрт Кинтусовских; 15 — Кучиминское IX городище; 16 — Сайгатинский XI могильник; 17 — городище Барсов Городок 1/31; 18 — городище Барсов Городок 1/32;

Глиняные фигурки: 1—3 — городище Барсов Городок 1/31; 4—10 — Рачевожская производственная площадка

От двух фигурок сохранились только ноги: одну их пару полностью покрывает орнамент из вертикальных и горизонтальных зигзагов (рис. 16-9). У других изделий ноги переданы либо небольшими выступами (рис. 2-1, 5), либо широким разрезом (рис. 16-5; 2-2, 3), либо их нет вообще. На шести поделках тыльная сторона корпуса оформлена вертикальными защипами. Три фигурки имеют по пять защипов (рис. 2-2, 3, 13), две — по семь (рис. 16-5, 8), одна — два (рис. 16-7).

Изделия орнаментированы только с лицевой стороны. Орнамент нанесен тонким острым предметом или отступающей лопаточкой. Элементы узоров представлены прямыми, наклонными и дугообразными линиями, зигзагами, спиралями, меандрами и кругами, ромбовидными и многоугольными фигурами, концентрическими кругами. Орнамент расположен вертикальными зонами. По-видимому, он передает покрой и отделку одежды, бляхи и пояса. Бляхи с концентрическим орнаментом, близким изображенным на фигурках, известны по археологическим и этнографическим материалам у народов Западной Сибири с раннего железного века и до современности². Вместе с тем богатство орнаментальной отделки фигурок не находит прямых аналогий в имеющихся материалах. Вероятно, этим подчеркнут ритуальный характер одежды, изображенной на фигурках.

Впервые выделена вторая группа глиняной пластики (7 экз.). Это цилиндрические фигурки с плоским и конусовидным верхом, диаметром 1,5—3, высотой от 1 до 3 см. Три фигурки обнаружены на Рачевском комплексе. Одно изделие с плоским верхом, типа круглой фишки; верхняя часть двух других оформлена в виде конуса. На поверхность первой нанесен сложный крест (рис. 2-4), на одну из конусовидных — зигзаг (рис. 2-15). Одна конусовидная фигурка не орнаментирована, но имеет волнистый край (рис. 2-19). Аналогичные поделки обнаружены и на других памятниках. Среди них особенно важны фигурки Барсова Городка 1/31, которые также залежали вместе с антропоморфными³. Верхняя часть конусовидных фигурок этого памятника орнаментирована: на трех изделиях крестовидный и многолучевой орнамент, на четвертом — дугообразные линии (рис. 16-1).

Вопрос о назначении средневековой пластики впервые поставила В. И. Мошинская⁴. Ею опубликовано пять изделий: по два с Андреевского озера под Тюменью и Родановского городища из Прикамья, одно с Кинтусовских юрт на р. Салым. Отметив тщательную отделку поверхности и искусную орнаментацию фигурок, В. И. Мошинская обратила особое внимание на отсутствие изображения лица. Этот признак со ссылкой на этнографию позволил ей определить фигурки как детские куклы-игрушки. По-иному пыталась осмыслить аналогичные предметы В. Д. Викторова. Рассмотрев все известные к тому времени изделия с учетом их сохранности и мест находок, В. Д. Викторова

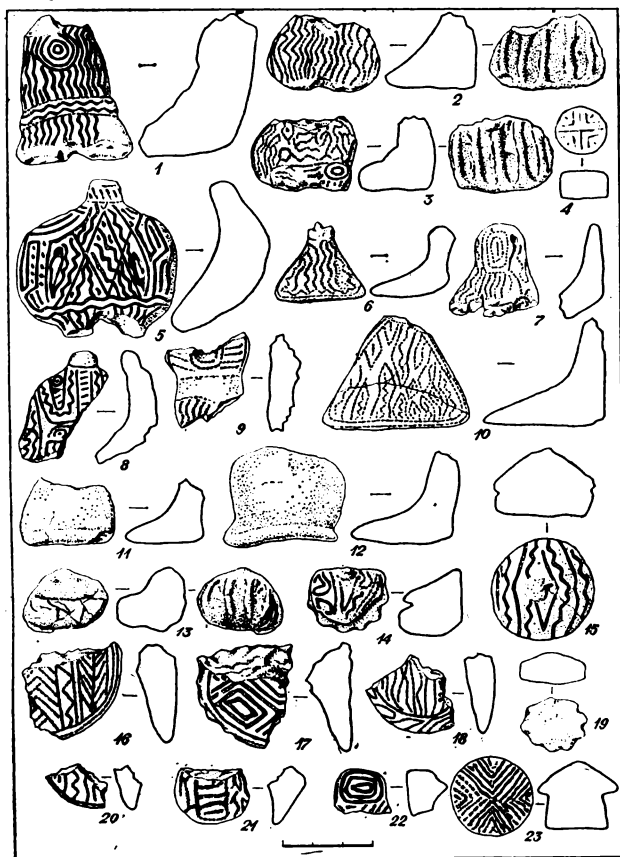

Рис. 2. Глиняные фигурки:

1—22 — Рачевское II городище; 23 — городище Барсов Городок I/31

ва предположила, «что фигурки имели какое-то религиозное значение, были связаны с очагом или хранильницей очага»⁵. В 1979 г. появилась публикация Н. В. Федоровой с описанием новых находок глиняной антропоморфной пластики⁶. Большая часть фигурок происходила с городища Барсов Городок I/31 под Сургутом. Не касаясь их интерпретации, Н. В. Федорова наметила эволюционно-типологический ряд развития стилистических особенностей фигурок от ранних, реалистичных, к более поздним, стилизованным. В заключение Н. В. Федорова пишет: «Таким образом, выделяется еще один элемент, характеризующий материальную (и, конечно, духовную.— Л. Т., В. Ш.) культуру населения второй половины I тыс. н. э. лесной полосы Приуралья и Западной Сибири и органически в нее вписывающийся— глиняная антропоморфная пластика»⁷.

Находки, обнаруженные после выхода работы Н. В. Федоровой, отчасти подтвердили этот вывод. В настоящее время авторами учтено, включая опубликованные, около восьмидесяти подобных изделий, происходящих с памятников Приуралья и Западной Сибири (рис. 1а). Эти памятники относятся к различным локальным вариантам нижнеобской культуры и, по-видимому, оставлены угорским населением. Исследования последних лет показывают, что комплексы, с которыми связана глиняная антропоморфная пластика, правильней было бы датировать концом I — началом II тыс. н. э. Кроме того, в результате раскопок Рачевского комплекса появились новые данные для интерпретации этих изделий.

Этот памятник по своим функциональным особенностям является уникальным в Западной Сибири. Пока на этой территории не известны археологические объекты, где так же широко и комплексно были бы представлены средневековая металлургия и металлообработка. Очевидно, не случайно обнаружение здесь самой большой серии глиняной пластики. Особенно существенны находки на производственной площадке. Трудно допустить, что детские куклы-игрушки могли быть необходимы там, где производились трудоемкие и подчас небезопасные операции железоделательного производства. На жилом участке комплекса также проводилась кузнечная и цветная металлообработка. Учитывая это, мы обратились к особенностям памятников, на которых были найдены глиняные антропоморфные поделки. Все памятники, за исключением могильников, так или иначе связаны с местами выплавки и обработки металлов. Особенно интересны материалы Барсовых Городков I/31, 32. На них обнаружены самые многочисленные после Рачевского комплекса коллекции фигурок. Здесь также были зафиксированы остатки плавильных печей, большое количество шлаков, а на Барсовом Городке I/31, кроме того, найдены кузнечные клещи. Следует также обратить внимание на большую устойчивость формообразующих признаков фигурок на обширнейшей территории. Это не находит объяснения, если данные изделия принять за детские игрушки. На наш взгляд, В. Д. Викторова была права, высказываясь в пользу культовой принадлежности этих предметов. Условия же их обнаружения в сочетании с другими находками дают основания для выделения данного вида пластики в особую группу культовых изделий, связанных с металлургией и металлообработкой, включая кузнечное производство.

С глубокой древности выплавка и обработка металла были окружены различного рода сакральными действиями, выражавшими особое отношение к этому сложному и специфическому производству и к людям, занимавшимся им⁸. Историко-этнографическая литература дает множество подтверждений этому. В Африке, Европе и Азии образ металлурга-кузнеца занимает видное место в мифологии, эпосе, фольклоре. Его статус поля-

рен: в одних случаях он связан с отрицательными, в других — с положительными персонажами. Часто в мифах особая роль кузнеца выражена его непосредственным участием в создании мира. Важное место отводится кузнецам в героических эпосах, в которых «усматривают воспевание «первопредка» и «культурного героя-демиурга», какими являются Прометей, кузнец Гефест, кузнец Ильмаринен, кузнец Амиран и др.»⁹.

Значимость кузнечного ремесла и его представителей фрагментарно нашла свое отражение также в мифологии и фольклоре народов Западной Сибири. У селькупов «профессия кузнеца обособилась с давних пор. Кузнец... был мастером-универсалом. Он брался за все работы, связанные с обработкой металлов, начиная с выплавки руды и кончая изготовлением богов, кольчуг и пр.»¹⁰. В представлении селькупов бубен являлся «живым оленем», на котором шаман предпринимал свои путешествия в «верхний мир». Одной из промежуточных ступеней в этом путешествии была земля кузнецов, где «шаман получал свои подвески. Кузнецы обычно спорили с шаманом и, если считали его «слабым», могли не дать подвесок»¹¹. На шаманском бубне кетов изображалась антропоморфная фигура с лучами на голове — Банрэхып, которому «приписывалась слава кузнечного мастера, иногда его называют «первым кузнецом»¹². В угорских «медвежьих» песнях центральным персонажем является чудесный кователь — Торум или Нуми-Торум¹³. В мансийском сказании «Младший из трех братьев» упоминаются старики-кователи, которые помогают главному герою, являясь духами его умерших предков¹⁴.

В работе Т. И. Пелих приводятся данные об изготовлении глиняных изображений, связанных с почитанием металлургического производства. Недалеко от устья р. Бахтас, на р. Тым, у селькупов было культовое место духа Похты — прародительницы кузнецов. Изображение ее было вылеплено из глины. Записанные со слов информанта, который посетил это место еще в отрочестве, данные скудны и ничего конкретного не говорят об облике самой фигуры¹⁵. Тем не менее важно, что фигура была глиняной. В литературе имеется упоминание о том, что в старину сургутские ханты с религиозной целью лепили какие-то изображения из глины¹⁶. Что это были за изображения и для чего именно они лепились, остается неясным. Однако напомним, что недалеко от Сургута сейчас известны средневековые памятники, с которых происходят значительные коллекции глиняной антропоморфной пластики. Возможно, что как раз с ними и связаны эти упоминания. Решение этого вопроса усложняется тем, что у обских угров путешественники и этнографы уже не застали металлургического производства. Соответственно нет и источников, описывающих его и связанные с ним культовые действия.

Остается вкратце остановиться на изделиях, не имеющих антропоморфных черт. Это уже упоминавшиеся цилиндрические

фигурки с конусообразным оформлением верхней части. В коллекции Рачевского комплекса имеется одна поделка, которая сближает обе группы предметов (рис. 2-14). В плане изделие имеет форму сегмента, что характерно для большей части антропоморфных фигурок. В разрезе это рассеченный по вертикали корпус на прямоугольном основании. Если к нему приставить симметричную половину, то получается грибовидная фигурка. Основание у нее имеет волнистый край, что также присуще некоторым антропоморфным и грибовидным фигуркам. Кроме того, у этого изделия намечены голова и руки, подчеркнуты антропоморфные черты. Таким образом, обе группы изделий стилистически взаимосвязаны. На наш взгляд, это объясняется общностью их назначения. В конусообразных фигурках мы склонны видеть имитацию плавильных печей, которые, судя по реконструкции, имели близкую форму. Орнамент практически на всех, видимо, связан с солярной символикой. Вероятно, этим подчеркивалась связь с огнем — главным источником преобразования руды в металл (ср. угорское: *огонь* — *дочь солнца*¹⁷). Осознание же связи средства производства (плавильная печь) и субъекта производства приводит к появлению некоторых стилистических особенностей в оформлении фигурок, которыми подчеркивается семантическая общность обеих групп изделий.

Итак, нам кажутся правомерными отнесение данной категории глиняной пластики к культовым изделиям и связь их с культом кузнечно-металлургического производства. Видимо, изготовление этих предметов являлось необходимым элементом в цикле металлургического процесса-ритуала.

¹ См. статьи А. П. Зыкова и Л. М. Тереховой в настоящем сборнике.

² См.: *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения уральского ареала. — В кн.: *Проблемы археологии в древней истории угров*. М., 1972, с. 38; *Могильников В. А.* Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби. — АЭБ. Уфа, 1964, вып. 2, с. 268.

³ Выражаем признательность Н. В. Федоровой, представившей материал для публикации.

⁴ См.: *Мошинская В. И.* Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. — КСИИМК, 1958, № 75, с. 180—184.

⁵ *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. — Учен. зап. Перм. ун-та, 1968, № 191, с. 249.

⁶ См.: *Федорова Н. В.* Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н. э. в Среднем Приобье. — ВАП. Тюмень, 1979, с. 145—152.

⁷ *Федорова Н. В.* Новые находки..., с. 152.

⁸ См.: *Шмидт Р. Б.* Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. — ИГАИМК, Л., 1931, т. 9, вып. 8—10, с. 25—28; *Ольдерогге Д. А.* Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки. — ТИЭ. Л., 1969, с. 177—186; *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 748—754; *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 159—175.

⁹ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1976, с. 538.

¹⁰ *Пелих Г. И.* Происхождение селюков. Томск, 1972, с. 32.

- ¹¹ Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского шамана.— Сб. МАЭ, 1949, т. 11, с. 350.
- ¹² Алексеев Е. А. Шаманская нарта у кетов.— Сб. МАЭ, 1981, т. 37, с. 178.
- ¹³ См.: Микушев А. К. Исторические контакты пермских и угорских народов по данным фольклора.— ISFO. Helsinki, 1981, N 77, p. 156.
- ¹⁴ См.: Микушев А. К. Исторические контакты..., p. 156.
- ¹⁵ См.: Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству.— В кн.: Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980, с. 40.
- ¹⁶ См.: Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970, с. 22.
- ¹⁷ См.: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977, с. 143.

С. Г. ПАРХИМОВИЧ
Тюменский областной краеведческий музей

Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI—XVII вв.)

1. *Начальный период* освоения русскими Восточного Урала и Западной Сибири (конец XVI — начало XVII в.) явился естественным и закономерным этапом в развитии Русского государства. Знакомство русских с Сибирью состоялось не позднее XI в.¹ Сначала новгородские купцы и отряды ушкуйников, затем — ростово-суздальские, устюжские, московские рати и охотничьи артели совершали рейды за Урал за «мягкой рухлядью» и серебром. В летописях содержатся упоминания не менее чем о 13 таких рейдах до похода Ермака. В действительности их было больше: не все они фиксировались в летописях, были и тайные походы. Стремление к богатым естественным ресурсам сибирской земли постепенно росло у различных слоев русского народа. Особенно остро этот вопрос встал в конце XVI в. в условиях нарастающего экономико-политического кризиса². С похода Ермака началось целенаправленное и планомерное освоение Западной Сибири Русским государством. На зауральских и сибирских землях появились первые заставы, остроги и города (Лозьвинский, Обский, Ляпинский городки, Березовский острог, Тобольск, Тюмень, Пелым, Верхотурье, Кыртасская и Собская заставы и др.). Первоначально они носили ярко выраженный военно-административный характер³. В середине XVII в. с притоком населения расширились их посадки, появились деревни и села, что стало началом качественно нового этапа в истории освоения русскими Западной Сибири.

Поход дружины Ермака и история первых русских поселений Сибири конца XVI — начала XVII в. крайне слабо и противо-